

- 1 Ангели възиграйте сѧ⁹ | радуите сѧ земьнии
 2 и тръжьствоуйте радостно¹⁰ | яко Христорь въскресе
 3 Дръжавъ раздрюши смърть⁹ | и мирови нетьльние
 4 мвясѧ мурносыцамъ⁹ | трядньевно отъ гроба
 5 яко отъ чрътога женихъ¹⁰ | тьмь пѣвѣше ржками
 6 пѣсньми рѣцѣмъ веселие¹⁰ | пасха господьни пасха
 7 (пасха) вървнымъ избавленю⁹ | и печали отъяти
 (пасха)
 8 и мирови свѣтлость⁸⁻⁹ | пасха нова пасха красьна
 (пасха)
 9 пасха троицныи чсть⁹ | и божьствнамъ слава
 Христорь въскресе изъ мрътвыхъ

Во-вторых, обнаружили и другие системы, когда внутри одного стихотворения встречаются сложные формы комбинаций строк разной длины. Р. О. Якобсон, например, приводит такие силлабические схемы: 5—6—8 (8—6—5) 7—7—4—5—3—5 (12 стихов ирмоса «Земьнь кѣто слыша таковая»); 8 (5—5—5)8—8 (5—5—5) (9 стихов ирмоса «Вьсь еси желанье»), построенного на чередовании восьмисложных и пятисложных строк).¹⁶

В-третьих, что наиболее важно, коренным образом изменились наши представления об объеме церковнославянской поэзии. Если А. И. Соболевский сводил ее к нескольким стихотворениям, то в настоящее время установлено, что правильное силлабическое строение обнаруживают сотни текстов, относящихся к литургической гимнографии. Разумеется, соотношение слова и напева еще точно не определено. Однако ясно, что при значительной организующей роли мелодии достаточно велика была роль и чисто декламационной структуры стиха.

Сравнение с греческими источниками доказывает существование в церковнославянской литургической поэзии зрелой и даже изощренной стихотворной техники. Славянские переводчики интересовались не только количеством слогов в каждом стихе (причем они иногда намеренно — в зависимости от общего стихотворного комплекса — несколько видоизменяли слоговую схему оригинала), но и расположением акцентов и акцентных групп.

Так, несколько неожиданная форма связки *ю* (вместо ожидаемого *юсть*) в стихе «таково тие чудо» объясняется необходимостью сохранить схему ударений греческого образа (*тоуботъ собъ то дабра*).

Исследованием особенностей церковнославянского стиха и связи его с напевом пока ограничивается работа в этой области. Как фактор культуры эта древнейшая силлабическая поэзия еще не оценена.

Историк русской литературы, обращающийся к древнейшей славянской поэзии, должен иметь в виду, что реконструкции и филологическое исследование церковнославянских стихотворений, как связанных с литургической музыкой, так и имеющих «декламационный» характер, сами по себе еще не оправдывают включения их в древнерусскую поэзию. Следует отметить, что место и роль этих памятников в истории славянских литератур еще остаются невыясненными. Первоочередные проблемы, встающие при изучении древнейшей славянской поэзии, можно сформулировать так: воспринимались ли в Древней Руси эти тексты как стихотворные, т. е. принципиально отличные от прозы? Если так, сколько примерно времени могла продолжаться «жизнь» их на русской почве? Каково отношение реализованной в них силлабической системы к просодическим особенностям русского языка киевской эпохи? Наконец, положили ли они начало длительной традиции?

¹⁶ Roman Jakobson. The slavic response to byzantine poetry, стр. 3—4 (251—252).